

УДК 1(091)

В. П. Горан

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: goran@philosophy.nsc.ru

ДУАЛИСТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ОНТОЛОГИИ И ТЕНДЕНЦИИ ИРРАЦИОНАЛИЗМА В ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ: (5) СРАВНЕНИЕ С СИТУАЦИЕЙ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА

Осуществлено сравнение тех сторон содержания учений Аристотеля и Платона, в которых наиболее явственно сказались зависимости проявлений иррационализма от дуалистического характера их онтологических построений. Эти стороны – высший и низший уровни структуры универсума: надкосмический ум и материя у Аристотеля; идея блага и материя у Платона. Выявлена специфика проявлений иррационализма в содержании учения каждого из этих философов и раскрыта ее зависимость от особенностей содержания их учений о названных предельных уровнях структуры универсума.

Ключевые слова: Аристотель, Платон, картина универсума, дуализм, ум, идея блага, материя, иррационализм.

Данная статья завершает серию публикаций [Горан, 2011а; 2011б; 2011в; 2012], посвященных выявлению и рассмотрению тенденций иррационализма, которые имели место в философии, казалось бы, столь рафинированного рационалиста, как Аристотель. Раскрывая проявления у него названных тенденций, мы и в указанных только что публикациях едва ли не постоянно сопоставляли соответствующие стороны философии Аристотеля с аналогичными особенностями воззрений Платона, обнаруживая и акцентируя их сходство. Было установлено: главное, что сближает их учения в интересовавшем нас отношении, состоит в том, что оба философа – приверженцы *дуалистической* картины универсума. Эта специфика их философской позиции и обусловила наличие как у одного, так и у другого многообразных проявлений тенденций иррационализма. И это сказалось, пре-

жде всего и весьма наглядно, в том, что, как и у Платона (см.: [Горан, 2009а; 2009б]), у Аристотеля проявления иррационализма наиболее заметны в тех именно частях его учения, где дуалистический его характер сказывается весьма явственно и даже непосредственно. Действительно, если у Платона они обнаруживаются в его учении о материи самой по себе и о вершине пирамиды идей, каковой выступает идея блага, то у Аристотеля – тоже в учении о материи как таковой (когда материя характеризуется сама по себе, вне ситуации сочетания ее с формой), и в учении о форме как существующей обособленно от материи. Как известно, по Платону, идея блага не только превышает своим достоинством все остальные идеи, но и настолько возвышается над ними, что мыслится философом пребывающей «за пределами существования» (Платон. Государство VI, 509b)¹. Таким образом, идея блага совер-

---

¹ Здесь и далее цитируется Платон, ссылки на его произведения делаются по изданию [Платон, 1994] в круглых скобках: автор, название произведения, римской цифрой номер книги (если произведение содержит более, чем одну книгу), после запятой указывается местонахождение данного текста в соответствии с принятой международной пагинацией всего корпуса произведений философа.

шенно обособлена у Платона от посястного мира материальных объектов, так что в этом отношении ее положение в платоновской картине универсума сходно с положением бога в картине универсума Аристотеля. Более того, у Платона идея блага обособлена и от остальных идей, которые хотя тоже обособлены от мира материальных вещей, но все же еще не пребывают «за пределами существования».

Как видим, в целом учения Платона и Аристотеля, если брать указанные их стороны, весьма близки в главном, а именно, в том, что оба – варианты дуалистического миропонимания. Вместе с тем учения этих философов и далеко не идентичны. Каждое обладает своей спецификой. И то, что наличие тенденций иррационализма и у одного философа, и у другого определяется дуалистической сутью их учений, получает убедительное подтверждение также и в том, что специфические для каждого из рассматриваемых учений особенности проявлений этих тенденций обнаруживают весьма зримую зависимость от своеобразия дуалистического миропонимания у каждого из них. Присмотримся к специфике их проявлений и у одного, и у другого.

У Платона благо иррационально и только иррационально. Его иррациональность, так сказать, абсолютна. Ведь, согласно Платону, благо недоступно постижению, в том числе и рациональному. Соответственно, к нему неприменима характеристика истинности. Оно даже не принадлежит к области бытия. Оно выше и познания, и истины, и бытия. Сравнивая роль идеи блага в познании умопостигаемого мира идей с ролью Солнца в зрительном восприятии чувственно воспринимаемых вещей, Платон указывает на то, что «Солнце не есть зрение. Хотя оно причина зрения» (Платон. Государство VI, 508b). Более того, по Платону, Солнце – причина не только возможности зрения, т. е. познания вещей чувственного мира, но и их существования: оно «дает всему, что мы видим, не только возможность быть видимым, но и рождение, рост, а также питание, хотя само оно не есть становление» (Платон. Государство VI, 509b). И проводя аналогию между Солнцем, зрением и существованием чувственных вещей, с одной стороны, благом, познанием умом идей и существованием этих последних, с другой, он утверждает: «чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зримо воспринимаемым вещам» (Платон. Государство VI, 508c). Опираясь на эту аналогию, Платон, в итоге, заключает: «познаваемые вещи не только могут познаваться лишь благодаря благу, но оно дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно – за пределами существования, превышая его достоинством и силой» (Платон. Государство VI, 509b).

Заслуживает того, чтобы внимательно присмотреться к этому итоговому утверждению Платона, что благо находится за пределами существования. Ведь утверждать, что нечто находится за пределами существования, значит не только молчаливо допускать, но открыто провозглашать, что оно *не существует*. Вместе с тем Платон этим утверждением, что благо за пределами существования, на деле желает сказать нечто диаметрально противоположное. А именно, посредством отрицания бытийного статуса блага он утверждает такой его статус, который *превышает* какой бы то ни было бытийный статус вообще, включая и таковой всех остальных идей. Поэтому столь недвусмысленное отрицание Платоном не какой-то мало значимой характеристики, а самого существования того, что при этом объявляется источником существования всего универсума, дает основание квалифицировать это отрицание как способ заострить внимание читателя на том, сколь исключительна роль идеи блага в его картине универсума. Но сейчас нам важно сосредоточиться не только на том, что Платон избрал столь, на первый взгляд, экстравагантный способ воздействия на интеллект читателя, чтобы тот не оставил без внимания исключительность роли идеи блага в его учении.

Гораздо более значимо в контексте нашего исследования содержание сформулированных при этом Платоном положений о месте идеи блага в его картине всей структуры универсума. Ведь то, что Платон сделал так, чтобы для читателя его диалога не осталась не оцененной исключительность статуса блага в его картине универсума, наглядно демонстрирует, сколь важным это представлялось самому Платону. Более того, Платон снова и снова возвращается к сравнению роли идеи блага в мире идей с ролью Солнца в мире материальных вещей,

закрепляя таким способом в сознании читателя значимость положения о надбытийном статусе идеи блага. Тем самым Платон ставит положение об исключительности этого статуса в такой контекст, который исключает возможность трактовать его как всего лишь проявление игривой парадоксальности способа подчеркнуть эту исключительность. Специфику того статуса идеи блага, который определяет исключительную значимость этой идеи ни мало, ни много для существования всего универсума, Платон и стремится самым серьезным образом довести до сознания читателя посредством утверждения, что идея эта превышает бытие достоинством и силой, находясь «за пределами существования».

Но в таком случае содержание того, что недвусмысленно утверждает Платон, нельзя не признать *иррациональным*: благо за пределами существования, т. е. попросту не существует, и вместе с тем оно существует в каком-то, по сути, мистическом, якобы высшем смысле, превышающем смысл такого понимания существования, который понятен нормальному человеческому разуму. Более того, платоновское благо иррационально, так сказать, абсолютно. Его иррациональность настолько безотносительна, что это исключает какую бы то ни было возможность его рационального постижения. И то, что Платон помещает его за пределами бытия, позволяет предположить, что этим как бы исключается даже возможность каких бы то ни было поползновений разума попытаться постичь его. Даже постановка такой задачи оказывается невозможной для разума; ведь она не может не быть признанной превышающей его возможности, поскольку эти последние ограничены постижением только рационального.

Итак, идея блага у Платона иррациональна абсолютно, безусловно. Что же касается материи, то иррациональность у Платона ее понятия не столь абсолютна. С одной стороны, материя, по Платону, «это восприимница и как бы кормилица всякого рождения» (Платон. Тимей 49a), она – то, что «чуждо всех форм, которые ему предстоит воспринять...» (Платон. Тимей 50d). И Платон пытается обосновать эту характеристику материального начала: «ведь если бы оно было подобно чему-либо привходящему, то всякий раз, когда на него накладывалась бы противоположная или совершенно иная

природа, оно давало бы искаженный отпечаток, через который проглядывали бы собственные черты этой природы. Началу, которому предстояло вобрать в себя все роды вещей, само должно было быть лишено каких-либо форм...» (Платон. Тимей 50e). Соответственно, эта «природа» платоновой материи делает ее иррациональной. Ведь ее непостижимость – не результат недостаточности познавательных способностей субъекта познания, а сущностная специфика ее собственной «природы». И Платон характеризует способ ее восприятия следующим образом: оно осуществляется «вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения» (Платон. Тимей 52b).

Обратим внимание на явную двусмысленность характеристики, которую Платон дает способу восприятия того, что он называет материей. А именно, она – нечто воспринимающееся и «вне ощущения», и вместе с тем не собственно разумом. Ведь «умозаключение», посредством которого она воспринимается, Платон характеризует как «незаконное», причем настолько, что «и поверить в него почти невозможно» (Платон. Тимей 52b). Словом, содержание платоновой характеристики материи таково, что характеристика эта включает признание материи и иррациональной, в смысле принципиальной недоступности разумному постижению, и не совсем такой. Действительно, материя и не совсем иррациональна, поскольку она «воспринимается посредством умозаключения». Но она все же характеризуется и как нечто иррациональное в той мере, в какой умозаключение, которым она воспринимается, квалифицируется как незаконное.

Соответственно, материя, по Платону, и не столь абсолютно неопределенна, как это сам же он, судя по приведенным только что его текстам, утверждал. Более того, не абсолютная неопределенность у Платона материи не есть только наш вывод, который мы сделали на основании рассмотренных формулировок самого Платона. Дело в том, что у него есть и высказывания, более непосредственно подтверждающие справедливость этого вывода. Действительно, в «Тимее» читаем о материи в ее первоначальном состоянии, когда она существовала сама по себе: «поскольку наполнявшие ее силы не были ни взаимно подобны, ни взаимно уравновешены и сама она ни в одной своей

части не имела равновесия, она повсюду была неравномерно сотрясаема и колеблема этими силами и в свою очередь колебала их своим движением» (Платон. Тимей 52 е). Как видим, материя в ее первоначальном состоянии предоставленности самой себе характеризуется Платоном как обладающая и некоторой определенностью, а именно, она наполнена собственными силами. Более того, будучи наполненной силами, она, соответственно, и активная, самодвижущаяся.

Все это и позволяет заключить, что материя у Платона иррациональна не абсолютно, что она обладает той мерой определенности, которая делает ее в этой же мере, пусть незначительной, все же доступной если не рациональному, то, во всяком случае, квазирациональному постижению. И этим представления Платона о материи отличаются от представления о ней Аристотеля.

Но прежде чем сосредоточиться на конкретике отличия представлений Аристотеля именно о материи от рассмотренных представлений Платона, отметим, что *в целом* ситуация со степенью иррациональности представлений Аристотеля о материи, с одной стороны, и его же учения о находящемся вне материального мира божестве не только отличается от охарактеризованной только что ситуации с соответствующими представлениями Платона, но в определенном отношении *противоположна* ей.

Что касается конкретно концепции материи у Аристотеля, то значимое для нашего исследования ее отличие от представлений о материи Платона состоит в следующем. Говоря о материи самой по себе (т. е. материи рассматриваемой вне ситуации, когда она соединена с формой), Аристотель неизменно утверждал, что она совершенно лишена какой бы то ни было как определенности, так и активности. Действительно, в VII книге «Метафизики» Аристотель пишет: «под материей я разумею то, что само по себе не обозначается ни как суть вещи, ни как что-то количественное, ни как что-либо другое, чем *определено* (курсив мой. – В. Г.) сущее. В самом деле, существует нечто, о чем скажется каждый из этих родов сущего и бытие чего отличается от бытия каждого из них (ибо все остальное сказывается о сущности, а сущность – о материи); поэтому последний [субстрат] сам по себе не есть ни суть вещи, ни что-то количественное, ни какой-либо из остальных родов сущего,

и точно так же не отрицания их: ведь и эти отрицания присущи ему [лишь] как привходящее» (Метафизика VII 3, 1029a)². В IX книге «Метафизики» он снова возвращается к понятию первой материи и резюмирует: «первая материя... не есть определенное нечто» (Метафизика IX 7, 1049a27). В «Физике» Аристотель столь же решительно утверждает: материя – это то, что «не имеет формы» (Физика I 7, 207a26). Именно такая материя и есть, по Аристотелю, одно из первоначал всего мироустройства.

Также и о том, что материя абсолютно пассивная, полностью лишена способности самодвижения, Аристотель высказался весьма определенно и ясно. Действительно, обосновывая положение о существовании нематериального перводвигателя, он заметил как нечто само собой для него разумеющееся: «Ведь не материя же будет двигать самое себя» (Метафизика XII 7, 1071b30).

Материя, по Аристотелю, будучи совершенно неопределенной, «сама по себе не познается» (Метафизика VII 10, 1036a). Как видим, в отличие от Платона, Аристотель последователен в спецификации материи как безальтернативно, абсолютно *иррационального* начала.

Соответственно, актуальное существование материи вне ее соединения с формой он не признавал и утверждал, что в качестве самостоятельного начала она существует всего лишь потенциально – как возможность принимать формы: «материя есть в возможности, потому что может приобрести форму, а когда она есть в действительности, у нее уже есть форма» (Метафизика IX 8, 1050a15-16). Причем к утверждению об отсутствии у материи самой по себе актуального существования Аристотель возвращается неоднократно даже в одной только «Метафизике». Так, в XI книге «Метафизики» снова читаем: «материя существует не в действительности, а в возможности» (Метафизика XI 2, 1060a20-21).

Как видим, характеризуя материю, Аристотель последователен в проведении пози-

² Здесь и далее цитируется Аристотель, ссылки на его произведения делаются по изданию [Аристотель, 1975–1983] в круглых скобках: название произведения Аристотеля, римской цифрой номер книги (если произведение содержит более, чем одну книгу) и арабской цифрой номер главы, после запятой указывается местонахождение данного текста в соответствии с принятой международной пагинацией всего корпуса произведений философа.

ции, согласно которой она признается абсолютно иррациональной, а Платон проявляет в этом вопросе непоследовательность, то также объявляя материю полностью лишенной какой бы то ни было определенности и тем самым характеризуя ее как начало совершенно иррациональное, т. е. недоступное постижению для разума, то все-таки наделяя ее определенностью в такой степени, что утверждает: она наполнена силами, и, соответственно, ей присущи активность и самодвижение.

Не менее значимо в контексте нашего исследования и отличие, так сказать, в степени иррациональности не только материи в представлениях о ней Платона и Аристотеля, но и второй фундаментальной составляющей их дуалистических онтологических построений. У Платона – это идея блага, у Аристотеля – бог. У Платона, как было выявлено выше, идея блага иррациональна абсолютно. У Аристотеля его бог тоже иррационален. В нашей предыдущей статье (см.: [Горан, 2012]) раскрыты проявления иррациональности бога Аристотеля. Здесь уместно напомнить только о двух из этих проявлений. Первое – бог в роли перводвигателя, т. е. единственного первоисточника какого бы то ни было движения в материальном мире, а тем самым наделенного функцией активности, но одновременно и полностью, абсолютно лишенного даже возможности какой бы то ни было реальной активности в силу признания его абсолютной неизменности, совершенной непричастности какому бы то ни было изменению, т. е. движению как таковому. Еще одно, раскрытое там же проявление иррационалистической противоречивости представлений Аристотеля об источнике движения в материальном мире – сочетание логически несовместимых положений, с одной стороны, – о наличии в самом материальном мире объектов, наделенных способностью самодвижения, самостоятельной активности, и, с другой, – об абсолютно потустороннем, внешнем материальному миру божественном перводвигателе как единственном первоисточнике движения в материальном мире.

Но в отличие от абсолютной, так сказать, полной иррациональности идеи блага у Платона, у Аристотеля бог хотя тоже иррационален, в том числе и в отмеченных только что проявлениях, но все же он иррационален не столь абсолютно, как идея блага у Платона. Ведь Аристотель специфицирует свое представление о боге, утверждая, что

он есть именно ум, рационально постижимый для самого себя, более того, единственно тем и занятый, что он сосредоточен на мышлении исключительно себя самого, не удостаивая вниманием ничего более. И все же, несмотря на такое акцентирование Аристотелем рациональности своего бога, в содержании представлений философа о нем все-таки доминируют иррационалистические составляющие, в том числе и отмеченные нами только что. Тем не менее эти иррационалистические составляющие соседствуют с рационалистическими декларациями. И в этом отношении позиция Аристотеля противоположна позиции Платона, поскольку, напомним еще раз, представление Платона о вершине его пирамиды идей, т. е. идее блага, таково, что она иррациональна безраздельно, абсолютно. Это представление исключает какие бы то ни было допущения, дающие повод говорить даже о малейшей степени ее рациональности.

Сопоставляя те стороны учений Платона и Аристотеля, которые содержат проявления тенденций иррационализма, имеет смысл обратить внимание и на следующие особенности каждого из этих учений.

У Платона картина всего универсума многослойная, причем в ней присутствуют крайние слои, весьма радикально как отличающиеся, так и обособленные друг от друга. Они образуют, так сказать, несущую конструкцию всего здания универсума, созданного фантазией Платона. Но в этом здании есть и слои, промежуточные между этими крайними слоями. Они как бы скрепляют опорные составляющие этой несущей конструкции, поддерживая впечатление ее целостности, единства. К основным составляющим несущей конструкции принадлежат мир идей и материальный мир. И они противоположны в такой степени, что эта несущая конструкция всего мироздания в целом оказывается двусоставной, а построенная на ее основе картина мира неустранимо дуалистической. И этот дуализм предельно обнажается в тех элементах вертикальной структуры универсума, которые составляют ее самый низший и самый высший слои. А именно, в самом низу Платон поместил материю, а на самом верху – идею блага. Причем в этих наиболее радикально противопоставленных друг другу составляющих всей Платоновой картины универсума парадоксальным образом обнаруживается общая им особенность – их непостижимость для разума, иррациональность.

Что же касается Аристотеля, то он, строя свою картину универсума, так сказать, убрал из многослойной Платоновой конструкции универсума ряд промежуточных звеньев, сохранив только самые крайние ее составляющие и переосмыслив платоновские представления о них. А именно, на самом вершине вертикали Аристотель заменил абсолютно непостижимую для разума платоновскую идею блага своим богом, которого он специфицировал, провозгласив его разумом, причем разумом чистым, т. е. абсолютно непричастным ничему отличающемуся от разума, в том числе совершенно непричастным и материи. Платоновское представление о материи Аристотель тоже переосмыслил, «очистив» его от каких бы то ни было остатков свойств, которые он отнес к нематериальной форме и которыми все еще наделял свою материю Платон. Основные такие свойства – способность самодвижения и самостоятельное, отдельное от формы актуальное существование. Но все это не спасло картину мира Аристотеля, сохраняющую, как и у Платона, дуалистический характер, от проявлений иррационализма, причем также именно в характеристиках тех крайних ее составляющих, которые наиболее наглядно репрезентируют ее дуалистическую суть, – в характеристиках бога и материи.

В итоге мы можем констатировать, что различия проявлений тенденций иррационализма в учениях Платона и Аристотеля определенно обусловлены содержательной спецификой учений каждого из них об универсуме. Вместе с тем это не только не дает основания ставить под сомнение вывод об обусловленности именно дуалистическим характером их учений наличия в них тенденций иррационализма, но, напротив, убедительно подтверждает, что таковая обусловленность имеет сущностный характер.

Список литературы

Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975–1983.

Горан В. П. Исторические формы рационализма и иррационализма в западной философии: (6) эпоха классического полиса. Дуалистическая онтология и тенденция иррационализма в философии Платона // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.* 2009а. Т. 7, вып. 3. С. 103–117.

Горан В. П. Исторические формы рационализма и иррационализма в западной философии: (7) эпоха классического полиса. Дуалистическая онтология и доминирование рационализма в философии Платона // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.* 2009б. Т. 7, вып. 4. С. 97–108.

Горан В. П. Дуалистический фундамент онтологии и тенденции иррационализма в философии Аристотеля: (1) понятие материи // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.* 2011а. Т. 9, вып. 2. С. 117–124.

Горан В. П. Дуалистический фундамент онтологии и тенденции иррационализма в философии Аристотеля: (2) пространственная локализация и существование бога во времени // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.* 2011б. Т. 9, вып. 3. С. 145–150.

Горан В. П. Дуалистический фундамент онтологии и тенденции иррационализма в философии Аристотеля: (3) невозможность для бога иметь внутреннюю форму // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.* 2011в. Т. 9, вып. 4. С. 108–112.

Горан В. П. Дуалистический фундамент онтологии и тенденции иррационализма в философии Аристотеля: (4) бог как перводвигатель // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.* 2012. Т. 10, вып. 1. С. 116–122.

Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 3.

Материал поступил в редколлегию 26.03.2012

V. P. Goran

THE DUALISTIC FOUNDATION OF ONTOLOGY AND TENDENCIES OF IRRATIONALISM IN ARISTOTLE'S PHILOSOPHY: (5) COMPARISON WITH PLATO'S PHILOSOPHY

The paper presents a comparison of the teachings of Aristotle and Plato focusing on manifestations of irrationalism which originate from the dualistic character of their philosophies. The highest and lowest levels of the structure of the Universum – the super-cosmic mind and matter in Aristotle's philosophy, and the idea of goodness and matter in Plato's philosophy, have been compared. The specific nature of the irrationalistic tendencies in the teachings of both philosophers has been analyzed, and its connection with the philosophers' views on the highest and lowest levels of the structure of the Universum has been revealed.

Keywords: Aristotle, Plato, Universum, dualism, mind, the idea of goodness, matter, irrationalism.